

Двести лодок из листьев и лозы.
Пять тысяч на борту.
Копье в руке, и Кассия мчит
Первой в орде.

Корабли разбросаны по морю.
Они ищут подводного зверя.
За Деву, за Мать и объятия Старухи,
Куда ныне отправятся многие.

Но какой пир,
Какие богатства,
Как манит слава.
Пятьсот кораблей,
Десять тысяч команды
Охотится на аракисиана.

Традиционное

1

Изгой

— **О**тдай мне свою шляпу. Совсем не те слова, с которых следует начинать легенду, но именно они стали первыми, которые она произнесла при встрече с ним.

Конечно, она обращалась к нему.

Было еще рано. Запах рыбы наполнял его ноздри и пробирался внутрь, вызывая жуткую тошноту. Голова болела, руки дрожали той дрожью, что уймется только после первой чаши корабельного вина. И, когда густая жидкость скользнет внутрь, согревая горло и желудок, боль начнет постепенно отступать. За первой чашей последует вторая, и с ней появится онемение, которое сообщит, что он уже ступил на путь, ведущий к затуханию разума, так же верно, как было мертво тело — или дожидалось мгновения, когда его заберет смерть. Потом будет третья чаша, за ней четвертая и пятая, день подойдет к концу, и он провалится в темноту.

Но черный корабль в тихой гавани будет по-прежнему привязан к пирсу — кости потрескивают под натиском течения, команда стонет и жалуется, накачиваясь выпивкой на палубе, а он в беспомощности прячется в старой хижине на постоялом дворе. Таков уж он есть: супруг корабля лишь по названию. Командир на словах. Неудачник.

Снаружи доносились голоса, даже здесь, в давно заброшенных дворах, где раньше обдирали шкуры, а теперь бродили призраки, не было спасения от людей, и память о гни-

ли кейшана, болезни костяных дворов, не мешала многим выбирать более короткий путь через них.

— Говорят, когда «Расколотый камень» вошел в этот морран, они увидели архиекса над Слейтхолмом. Слышал, что их говорящий-с-ветром сошел с ума и едва всех не утопил. Пришлось его убить, чтобы он прекратил призывать ветер, который выбросил бы корабль на безопасный берег.

— За всю жизнь я ни разу не слышал, чтобы кто-то видел архиекса. От него не приходится ждать ничего хорошего — напишите это на скале для Морской Старухи.

Голоса стихли, их заглушило шипение волн на пляже, поглотило море, в котором исчезнет все, а он думал над словами, которые услышал: «Не приходится ждать ничего хорошего». С тем же успехом можно сказать, что Глаз Скирит поднимется на морране, ведь это Сто островов — когда здесь происходило что-то хорошее?

В следующем голосе, который он услышал, прозвучал вызов. Его глаза оставались закрытыми, он пытался бороться с тошнотой, поднимавшейся горячими едкими волнами из желудка.

— Отдай мне свою шляпу.

Голос наполняло море, хриплый командный крик птицы. Из тех, приказы которых сразу бежишь выполнять, взбираешься на мачту, чтобы помочь кораблю расправить крылья. Возможно, просто возможно, когда-нибудь, или после чаши корабельного вина, он сделает то, что она просит, и отдаст ей двухвостую шляпу супруга корабля вместе с яркой окраской волос, делавшую его капитаном — пусть он того и не заслужил.

Но в ту беспокойную ночь его сон тревожили мысли об отце и другой жизни, не лучшей и не более легкой, но трезвой и лишенной стыда. О жизни, в которой он не чувствовал силу скользких рук Морской Старухи, пытавшейся с ним покончить. Об одном из долгих дней на крыле флюк-лодки, когда он пел и натягивал веревки, а отец сиял от

гордости, глядя на то, как превосходно его мальчик-рыбак работает с ветрами. О времени до того, как могучее тело его отца было легко сломано, точно тонкая лоза вариска, и перемолото между бортом лодки и безжалостным корпусом костяного корабля. Рука поднялась вверх из черной воды, бородастое лицо, открытый рот, словно отец хотел позвать своего мальчика в последние, мучительные мгновения своего существования. Такая сила, но это уже не имело значения.

Быть может, сегодня для разнообразия он проснулся с мыслью, как замечательно иметь немного гордости. И если настанет день, когда ему придется отдать двухвостую шляпу супруга корабля, то не сегодня.

— Нет, — сказал он. Ему пришлось вырвать это слово из своего разума, он чувствовал себя так, словно провел лезвием курнова по внутренней части собственного черепа, и оно сползло с его губ, вялое, точно среднее течение. — Я супруг корабля «Дитя приливов», и она символ моей власти. — Он прикоснулся к полям черной двухвостой шляпы. — Я супруг корабля, и тебе придется забрать ее у меня.

Он странно себя чувствовал, когда произносил дерзкие слова, которые слышал от отца, рассказывавшего ему о своей службе, но которых не знал по собственному опыту. Однако они ему нравились, сильные, с историей, а когда слетели с губ, показались правильными. Он подумал, что, если ему суждено умереть, это будут совсем неплохие последние слова, и пусть его отец услышит их из того места, глубоко в море, где его окутывает тепло вечного костяного огня Старухи.

Он прищурился, глядя на застывшую, смутную фигуру. Мысли сражались в его страдавшей от боли голове, он пытался понять, кто за ним пришел. С тех пор как ему удалось стать супругом корабля, он знал, что вызов неизбежен. Он вел за собой разгневанных женщин и мужчин, жестоких женщин и мужчин, — и понимал, что рано или поздно

кто-то из команды захочет отобрать у него шляпу и капитанские цвета. Быть может, в дверном проеме лачуги стоит Барли, жестокая и неистовая? Но нет, его гость был невысоким, да и волосы казались слишком длинными, а не коротко подстриженными и едва прикрывавшими череп. Значит, Канвей? Мужчина, завидующий всему и всем и легко хватающийся за нож. Впрочем, нет, силуэт явно женский. Ни одной прямой линии под тугой рыбьей кожей и перьями. Значит, Квелл? Она способна сделать решительный ход, к тому же умеет плавать и смогла бы покинуть корабль.

Он сел, чувствуя все еще непривычное давление курно-ва на бедре.

— Тогда будем драться, — сказала его гостя, поворачиваясь и выходя на солнце.

У нее были длинные волосы, седые, с цветными прядями командира: ярко-красными и синими. Солнце отражалось от рыбьей чешуи ее одежды, обтягивавшей мускулистое тело, скрепленной ремнями, с которых свисали ножи, маленькие арбалеты и множество блестящих позвякивавших амулетов, приносивших удачу и говоривших о долгой службе, полной кровопролитных схваток. Изысканный плащ с перьями окутывал плечи, подчеркивая яркие блики солнца на чешуе, отчего мерцающее сияние всех цветов радуги окружало ее блистающим ореолом.

«Я умру», — подумал он.

Она неспешно зашагала прочь от покосившейся лачуги, где он спал, от небольшого вонючего причала, и он последовал за ней. Вокруг никого не было. Он выбрал это место из-за его сравнительной уединенности, удивившись тому, с какой легкостью его нашел; даже на оживленном острове Шипсхьюм люди старались держаться вместе, находить друг друга и, естественно, избегали подобных уголков, где рыскали призраки Старухи и дремала гниль кейшана.

Они шли по усыпанному галькой пляжу; она шагала широко, выбирая подходящее место для схватки, он следо-

вал за ней, точно потерявшийся кавай — одна из неспособных летать птиц, которых разводили на мясо, — в поисках стаи. Конечно, не существовало стаи для такого мужчины, как он, лишь гарантия близкой смерти.

Она остановилась к нему спиной, словно он не заслуживал внимания, и принялась проверять гальку под ногами, разгребая ее носками высоких сапог, будто искала под камешками существо, которое могло выскочить и укусить ее. Он вспомнил, как в детстве проверял песок в поисках червей-джал перед началом одиноких игр с вымышленными друзьями. Неизменный чужак. Ему следовало предвидеть, к чему это приведет.

Когда она повернулась, он ее узнал. Но не благодаря тому, что встречал в обществе или во время военных действий, он в них не участвовал. Но он видел ее лицо — заостренный нос, резко очерченные скулы, обветренная кожа, черные узоры вокруг глаз и искрящееся золото и зелень на щеках, говорившие о высоком положении. Он ее видел, когда она прохаживалась перед пленниками. И детьми, захваченными во время рейдов на Суровые острова, детьми, которых готовили к жаждущим крови клинкам жрецов Тиртендарн, теми, кого собирались отправить к Старухе или заставить оседлать кости корабля в качестве зоресветов — превратив их в веселые цвета, говорившие о здоровье корабля.

Он видел, как она стояла на носу собственного корабля «Ужас аракисиана», названного в честь морских драконов, которые обеспечивали костями корабли и которых когда-то расчленили на теплом пляже. В честь давно исчезнувших морских драконов. В честь морских драконов, ставших мифом, тело неизбежно опустится на морское дно. Но какой это был корабль!

Он и его видел.

Последний из великих пятиреберников, «Ужас аракисиана». Над ним танцевало восемнадцать ярких зоресве-

тов, огромный длинноклювый череп араксиана размером с двухреберный корабль украшал нос, пустые глазницы смотрели вперед, клюв оковали металлом и превратили в таран. Двадцать громадных дуговых луков было установлено по обе стороны верхней палубы и множество обычных на нижней. Команда более чем из четырехсот человек отполировала каждую кость корпуса, и он ослепительно сиял, белый на фоне синего моря.

Он видел, как она тренировала свою команду, и видел, как дралась. У причала, из-за вопроса чести, когда кто-то упомянул обстоятельства ее рождения. Схватка получилась долгой, и, когда ее противник попросил о милосердии, она его не проявила, и он подумал, что в ней его попросту нет, ведь она представляла Сто островов и флот до самой его сердцевины. Жестокая и твердая.

Тот свет, что еще оставался на небе, потемнел, точно Скирит, богоптица, прикрыл глаз на его судьбу, и яростный жар воздуха бежал, как и малая толика надежды, что еще жила в его груди, — единственный трепещущий шанс, что он уцелеет. Ему предстояло вступить в схватку с Миас Джилбрин, Удачливой Миас, имевшей множество наград, самой отважной и свирепой супругой корабля, какую когда-либо видели Сто островов.

Он знал, что умрет.

Но почему Удачливая Миас захотела его шляпу? Он готовился к смерти, а его разум продолжал искать ответ на этот вопрос. Она могла получить под свою команду все что угодно. Единственной причиной могло быть только...

Немыслимо.

Невозможно.

Миас Джилбрин приговорили к черному кораблю? Приговорили к смерти? Скорее он увидит, как остров встанет на ноги и зашагает прочь, чем случится *такое*.

Ее послали его убить?

1. Изгой

Может быть. Кое для кого сам факт того, что он еще жив, являлся прямым оскорблением. Может быть, им наскучило ждаль?

— Как тебя зовут? — прокаркала она, словно мечтала полакомиться мертвечиной.

Он попытался ответить, но обнаружил, что в горле у него пересохло, и не только из-за того, что в последний раз он пил лишь накануне вечером. Страх. И, хотя он был его постоянным спутником в течение шести месяцев, это не сделало его более терпимым.

Он сглотнул и облизнул губы.

— Меня зовут Джорон. Джорон Твайнер.

— Никогда не слышала, — пренебрежительно сказала она, не продемонстрировав ни малейшего интереса. — Никогда не видела его написанным в свитках чести и в рапортах о военных действиях.

— Я не служил до того, как меня отправили на черный корабль, — сказал он, а она вытащила свой прямой меч. — Когда-то я был рыбаком.

Увидел ли он вспышку в ее глазах, и если так, то что она могла означать? Раздражение, скуку?

— И? — спросила она, сделав пробный взмах тяжелым клинком, демонстрируя презрение и практически не глядя в его сторону. — Как получилось, что рыбака приговорили к кораблю мертвых? Не говоря уже о том, чтобы сделать супругом корабля? — Она еще раз рассекла клинком ни в чем не повинный воздух.

— Я убил человека, — ответил он.

Она посмотрела на него.

— В схватке, — добавил он, и ему пришлось сглотнуть, чтобы протолкнуть твердый холодный каменный шарик страха в глотку.

— Значит, ты можешь драться.

Она подняла клинок, приготовившись начать поединок, свет отразился от лезвия по всей его длине, и он заметил на

нем гравировку — великолепное оружие, не то что дешевый курнов из шлакового железа, которым владел он.

— Мой противник был пьян, а мне повезло, — сказал он.

— Ну, Джорон Твайнер, со мной так не получится, несмотря на мое имя, — сказала она, и ее серые глаза остались холодными. — Давай покончим с этим?

Он обнажил свой курнов и сразу атаковал. Никаких предупреждений и тонкостей. Он не был глупцом или слабаком и понимал, что у него есть лишь один шанс победить Удачливую Миас — застать врасплох. Его клинок метнулся вперед, к ее животу. Простой, лаконичный удар, который он множество раз практиковал в жизни, — каждая женщина и каждый мужчина Сотни островов мечтает попасть на флот и с оружием в руках защищать детей островов. Он сделал безупречный выпад, и ему не помешало тело, страдавшее от истощения и жажды.

Она отбила его клинок едва заметным движением кисти, и утяжеленный конец кривого курнова увел его оружие в сторону от ее живота. Он пошатнулся и потерял равновесие, ее свободная рука описала дугу, он уловил блеск каменного кольца на костяшках ее пальцев и понял, что это кастет, за мгновение до того, как тот ударил его в висок.

Он лежал на земле и смотрел на раскинувшееся над ним огромное ярко-синее небо, пытаюсь понять, куда исчезли облака. Он ждал удара, который с ним покончит.

Острие ее меча появилось в поле его зрения.

Коснулось лба.

Прочертило болезненную линию до самых волос, сбросило шляпу с головы, потом Миас подбросила ее в воздух, поймала и надела. Она не улыбнулась, никак не выказала победного торжества и только смотрела на него, пока кровь текла по его лицу и он ждал конца.

— Никогда не делай выпадов, когда у тебя в руках курнов, Джорон Твайнер, — спокойно сказала она. — Не-

ужели тебя ничему не научили? С его помощью нужно наносить рубящие удары. Ни на что другое он не пригоден.

— Какие жалкие последние слова для меня, — сказал он. — Умереть, слушая чужие советы.

Неужели по ее лицу промелькнуло странное выражение, глубоко похороненное воспоминание о том, как смеются? Или она просто его пожалела?

— Почему тебя сделали супругом корабля? — спросила она. — Не вызывает сомнений, что ты получил это звание не в поединке.

— Я... — начал он.

— Существует два вида кораблей мертвых. — Она наклонилась вперед, и кончик ее меча затанцевал перед его лицом. — В первом всем заправляет команда со слабым супругом корабля, который позволяет им упиваться до смерти у стоп-камня. И второй вид — с сильным супругом корабля, он расправляет крылья, когда приходит беда, и дает своим женщинам и мужчинам шанс достойно принять смерть. — Он не мог отвести глаз от кончика меча, и Удачливая Миас оставалась туманным пятном. — Мне представляется, что «Дитя приливов» относится к первой категории, но ты приведешь меня к нему, и он узнает, каково это — оказаться во второй.

Джорон открыл рот, чтобы сказать, что она ошибается относительно него самого и корабля, но промолчал, ведь она сказала правду.

— Поднимайся, Джорон Твайнер, — приказала она. — Ты не умрешь сегодня на этой горячей и не раз залитой кровью гальке. Ты будешь жить, чтобы служить Ста островам вместе с остальными членами команды. А теперь пойдем, нас ждет работа.

Она повернулась и вложила меч в ножны, уверенная, что он поступит, как она сказала, — так Глаз Скирит встанет по утрам, а вечером отправляется на покой.